

ФИГУРА СУБЪЕКТА В ПРОТОКАТЕГОРИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Пушкарская Наталья Вячеславовна,
*научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН,
Россия, 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32*
ORCID: 0000-0001-5372-5281
su-u@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу места субъекта в протокатегориальных языковых конструкциях Древнего Китая. К таким конструкциям относятся фундаментальные концептуальные схемы, называемые базовыми классификациями. К ключевым схемам относятся двоичная, троичная и пятеричная классификации, которые определили основные черты и дальнейшее развитие всей китайской ментальности и цивилизации.

Основным методологическим приемом, использованным при проведении историко-философского исследования, является опора на текстовые первоисточники. Важнейшим и наиболее достоверным источником знаний о философских взглядах столь отдаленного по времени исторического периода (речь идет об эпохе Чжоу, приблизительно 1045–221 гг. до н. э.) служит «Книга Перемен», или «И-цзин» («易经»). Структурный анализ использован в выявлении элементов и числовых схем в рассматриваемой фигуре субъекта.

Согласно языковой картине мира, реконструируемой на основе текстов древнекитайских источников, позиция субъекта предстает изначально встроенной в мировоззренческую парадигму архаичного Китая. Главными характеристиками человека в исследуемых конструкциях протокатегориального мышления становятся центральность и пустотность. Эти свойства индивида представляются наиболее существенными для понимания отведенной человеку роли в развертываемой модели универсума. Из выявленных в результате исследования предикатов субъекта складывается его двойственный образ. Человек, с точки зрения древних китайцев, занимая центральное положение в вертикали «трех основополагающих сил» сань цай 三才 (Земля – Человек – Небо) и обладая благодаря своему главенствующему положению решающими для успешного познания природных закономерностей чертами, предстает лишенным своего собственного личностного содержания. Исходная пустотность субъекта познания, являющаяся его сущностным свойством, влечет за собой отсутствие его индивидуального наполнения. Автор делает вывод об условно человеческой позиции индивида в мироздании. Человек ока-

зывается производным от природных, космических начал, формирующих согласно протокатегориальным представлениям Древнего Китая не только основы миропорядка, но и принципы мироотношения.

Ключевые слова: Древний Китай, протокатегориальное мышление, базовые классификации, двоичность, троичность, пятеричность, субъект, центральность, пустотность.

Библиографическое описание для цитирования:

Пушкарьская Н.В. Фигура субъекта в протокатегориальных представлениях Древнего Китая // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 4, ч. 1. – С. 25–37. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-25-37.

Протокатегориальный стиль мышления в Древнем Китае лежит в основе комплекса воззрений и ценностей, во многом предопределивших облик китайской культуры. Значимыми компонентами традиционного китайского мышления стали так называемые базовые классификации, понимаемые нами как протокатегориальные понятийные конструкции. В архаической мысли Древнего Китая можно выделить три основные классификации: 1) двоичная классификация (инь-ян 阴阳, фундаментальные противоположности), 2) троичная классификация (сань цай 三才, взаимосвязь Неба, Земли и Человека), 3) пятеричная классификация (у син 五行, «пять стихий», вода – огонь – дерево – металл – почва).

В этих основополагающих мыслительных конструкциях особенно обращает на себя внимание исходно присущая им позиция субъекта. Имманентность позиции человека для данных представлений особенно заметна в троичной и пятеричной базовых классификациях. В них уже на (прото-) категориальном уровне изначально присутствует идея субъекта. Его фигура предзадана в развертываемом концептуальном пространстве.

На этапе перехода от протокатегориального к категориальному мышлению встроенность фигуры субъекта сохраняется, и мы можем обнаружить ее в текстовой реальности. А.А. Крушинский в рамках дискуссии научно-исследовательского семинара «География рациональности» Института философии РАН раскрывает тему субъекта в нелинейном древнекитайском тексте, демонстрируя на примере гексаграммных образов невозможность бессубъектности [2]. Безусловно, отказ от исключительно линейного прочтения текста разрушает привычное понимание субъекта, обычно присутствующего в тексте в роли повествователя. Нелинейность, детерминированная протокатегориальными схемами, формирует субъектность иного типа. Субъект – это то, что занимает центральную позицию в схеме, задающей пространственную структуру понятий.

В основе протокатегориального мышления лежат числовые структуры геометрического типа, которые можно представить визуально и которые

поддаются прочтению методами математического моделирования¹. И для троичной, и для пятеричной понятийной конструкции характерны особые черты, определяющие в них позицию человека: речь идет о центральности (во всех смыслах) и пустотности.

Троичная классификация, или сань цай (三才, «три основополагающие силы»), представляет собой образный концепт, символизирующий тесную взаимосвязь Неба, Земли и Человека². С этим древнейшим представлением связан миф о Паньгу (盘古), божестве, разделившем первоначально существовавший хаос на две части – Землю (地) и Небо (天), которые впоследствии стали ассоциироваться с фундаментальными противоположностями: Земля и всё темное и мутное – с инь (阴), Небо и всё светлое и чистое – с ян (阳).

Обращаясь к мифологическим сюжетам, мы имеем возможность прикоснуться к самоосмыслению китайским народом собственных космогонических идей. Согласно легенде, «в те времена, когда Небо и Земля не были еще разделены и существовал первоначальный хаос, подобный яйцу, внутри него зародился Паньгу. В течение восемнадцати тысяч лет он удерживал Небо и Землю, чтобы они не сомкнулись обратно, пока наконец они не отодвинулись друг от друга на достаточное расстояние. Чистое ян (阳) стало Небом, а мутное Инь (阴) – Землей. [Таким образом, между ними образовалось пространство для человека.] Кроме обычных людей, на Земле появились совершенномудрые, а Небо заселили духи» (перевод мой. – Н. П.) [10].

В представлении древних китайцев, люди существуют в центре универсума и производны от него. Они заполняют пустое пространство, возникшее в результате действий высших природных сил, и должны, поняв основные принципы существования и взаимодействия этих сил, научиться жить в гармонии с ними. Человеку отводится в этом смысле особое место, хотя он такое же производное от природы, как и любая тварь, населяющая Землю.

Троичность присутствует в структуре триграмм, составляющих основу гексаграмм. Создание триграмм традиция приписывает древнему императору Фуси (伏羲). Он олицетворяет собой идеального совершенномудрого, стремящегося постигнуть тайны изменчивого бытия для блага всех людей. Легендарный Фуси – это собирательный образ, персонификация «силы» разумного человечества³.

¹ Подробнее о геометрическом стиле мышления в Древнем Китае см.: [1].

² О том, как троичность проявляется в структуре текста комментариев к гексаграммам, см.: [3, с. 56–94].

³ По мнению современных исследователей, Фуси – это мифический правитель, который не упоминается ни в одном дошедшем до нас документе раньше Восточной Чжоу (т. е. приблизительно до 770 г. до н. э.). До начала критического осмысления историками

По преданию, Фуси увидел на спине коня-дракона, всплывшего из вод реки, узор: один и шесть внизу, два и семь наверху, три и восемь слева, четыре и девять справа, пять и десять в центре. Узор впоследствии был назван «Хэту» 河图, или «Карта реки».

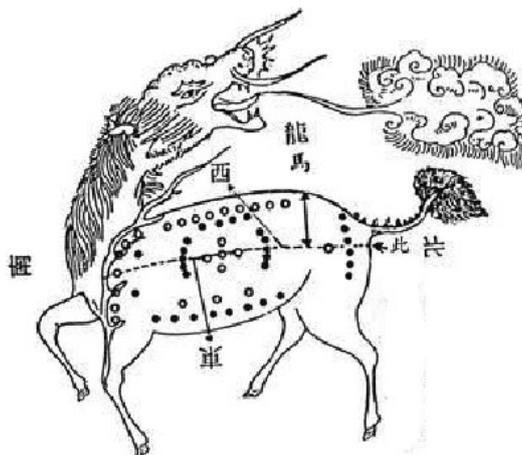

Рис. 1. Конь-дракон, явившийся Фуси

Вдохновленный этим чертежом и узором на панцире белой черепахи, он понял, что закономерность в изменении всего сущего заключается в чередовании инь 阴 и ян 阳. Тогда он создал чертеж из восьми триграмм ба гуа 八卦 в символической форме, с помощью чередования сплошной (ян 阳) и прерванной (инь 阴) линий, передающих изменчивость и цикличность жизни⁴.

Рис. 2. Прежденебесные восемь триграмм (сянь тянь ба гуа 先天八卦), приписываемые Фуси⁵

Восемь триграмм функционально схожи с пятеричной классификацией: их можно коррелятивно сопоставить с любой группой вещей и понятий, выстроив уникальную систему взаимосвязей.

XX века философского наследия глубокой китайской древности традиционно считалось, что гексаграммы «Ицзина» создал Фуси [9, р. 27].

⁴ На основании археологических данных современные ученые делают вывод о том, что возникновение восьми триграмм явилось результатом долгих наблюдений и размышлений людей, живших на территории Древнего Китая. Первые чертежи восьми триграмм могут быть отнесены к 6-5-му тыс. до н. э., и их смысл и значение действительно имеет отношение к представлениям о происхождении мира [14].

⁵ Более подробно о вариантах расположения триграмм и их значении см.: [12, р. 262–279].

Человек в этой универсальной схеме выступает, с одной стороны, как цель (до человека необходимо донести полученные знания о том, каков этот мир). С другой стороны, он выступает как средство (только человек может постигнуть, воспринять и применить это знание правильным образом). Вселенная, описанная в триграммах и далее в гексаграммах «Ицзина»⁶, не является миром холодной объективности взаимодействующих космических тел и материй, как может показаться с первого взгляда. Это мир, близкий человеку, увиденный глазами человека, и человек – его неотъемлемая часть⁷.

В тексте одного из традиционных комментариев «Ицзина» «Си цы чжуани» («系辞传») троичная структура сань цай (三才) проявляется следующим образом: «Перемены совпадают с природой Неба и Земли, поэтому возможно всесторонне охватить их Дао. Обращать взор вверх, чтобы наблюдать небесные образы, опускать голову вниз, чтобы видеть земные формы, так узнаешь основу темного [Земли] и светлого [Неба]... Перемены находятся в согласии с Небом и Землей, поэтому не противоречат им. [Благодаря этому] можно узнать состояние всего сущего, и этих знаний достаточно, чтобы помочь Поднебесной, поэтому можно использовать [эти закономерности], но не допускать избыточности» (перевод мой. – Н. П.) [11].

В этом отрывке нам со всей очевидностью открывается позиция субъекта познания окружающей действительности. Согласно данной картине мира субъект познания находится в центре миропорядка. Способ познания обусловлен особым свойством, присущим сознанию человека, а именно – пустотностью. При этом главным принципом во взаимодействии с другими действующими силами является сбалансированность.

Пустотность – определяющее качество, своего рода ключ, открывающий внутреннее пространство для знаний из любой сферы. Пустоту следует понимать как потенциальную возможность наполнения различным содержанием, при этом вариативность содержания ограничена только окружающей природной и социальной средой обитания. С точки зрения разнообразия наборы субъект-объектной связи принципиально безграничны. Сам человек, наполняясь определенным содержанием, не лишается свойства быть пустым, он способен постоянно смещать фокус своего рассмотрения и менять его предмет.

Сбалансированность в отношении предметов рассмотрения определена центральной позицией субъекта познания. Помещаясь в условном цен-

⁶ Подробнее о категориальном смысле гексаграмм см.: [4, с. 168–183].

⁷ Создание гексаграмм «Ицзина» традиционно приписывалось легендарным императорам, но ученые склоняются к тому, что гексаграммы «И-цзина» постепенно сформировались в процессе практики гадания с помощью черепашьего панциря и стеблей тысячелистника (подробнее см. [9]).

тре, человек мысленно удерживает воспринимаемые явления в равновесном состоянии, производя их оценку и взвешивание. Его задача – не допускать нарушения баланса, приводя значимость той или иной идеи к избыточности или недостатку. Примерно таким же образом осуществляется взаимная координация двух фундаментальных противоположностей – инь и ян. Антагонистические проявления любого процесса уравниваются между собой, сохраняя баланс всех сложных взаимодействий различного характера. Противоположные начала всегда присутствуют одновременно и в правильном соотношении.

Подобное понимание роли субъекта мы находим в комментариях к гексаграмме № 30 «Привязанность / Ли 離».

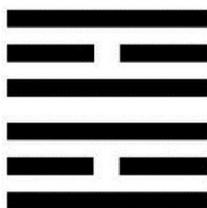

Рис. 3. Гексаграмма № 30
«Привязанность / Ли 離»

Эта гексаграмма состоит из удвоенной триграммы Огонь (Ли 離) ☲: «Свечение удваивается, составляя гексаграмму Ли. Большой человек благодаря непрерывному свечению освещает все вокруг» (перевод мой. – Н. П.) [7, с. 566]). Здесь будет уместно привести интерпретацию данной гексаграммы немецким синологом Рихардом Вильгельмом (1873–1930), очень тонко передающую ее значение: «Триграмма Ли означает “цепляться за что-то”, “быть обусловленным”, “зависеть или покоиться на чем-то”, а также “яркость”. Темная линия (прерывистая, иньская. – Н. П.) цепляется за две светлые линии (сплошные, янские. – Н. П.), одна сверху, другая снизу – изображение пустого пространства между двумя сильными линиями, в результате две сильные линии становятся ярче... Творчество включено в центральную линию Воспринимающего... Огонь не имеет определенной формы, но цепляется за горящий предмет и поэтому является ярким... Так посвященный человек цепляется за то, что правильно, и таким образом может формировать мир. Человеческая жизнь на Земле обусловлена и несвободна, и когда человек осознает эту ограниченность и делает себя зависимым от гармоничных и благотворных сил космоса, он достигает успеха... Культивируя в себе отношение подчинения и добровольной зависимости, человек обретает ясность без напряжения и находит свое место в мире» [12, р. 118, 119]. Согласно приведенному тексту человек сравнивает-

ся с пламенем, обретающим форму и содержание только за счет окружающих предметов. Образ яркого свечения огня – это образ ясного понимания основ бытия и следование им.

Точный образ исходной пустотности познающего дается в комментариях к гексаграмме № 31 «Взаимодействие/Сянь 咸»: «На вершине горы находится озеро, это [признак] взаимодействия. Благородный муж пустотой воспринимает других» (перевод мой. – Н. П.) [7, с. 567]).

Рис. 4. Гексаграмма № 31
«Взаимодействие / Сянь 咸»

Гора и озеро символично указывают на инь и ян. Познающий индивид вновь изображается в центре: между силами мироздания, с одной стороны, и среди подобных ему людей – с другой. Он вступает с ними во взаимодействие, и только благодаря этому раскрывает свою пустотную сущность – «пустое сердце» сюй синь (虚心). Словосочетание сюй синь (虚心) можно перевести как «открытое сердце», «открытая душа», «открытое сознание», или «искреннее сердце», «простое сердце» и даже «скромное сердце». Благородный муж только тогда сможет верно воспринять окружающую его действительность, когда он опустошит свое сердце, сделает свой разум искренним, открытым всему, и ему будут доступны любые аспекты существования. Отсюда в коррелятивном мышлении возникает бесконечное сопоставление схем-образов с объектами из различных областей знания, пребывающих на периферии вокруг обобщающего и главенствующего центра. Перевод сюй синь (虚心) как «скромное сердце» подчеркивает слабую позицию человека по отношению к силам природы, его зависимость и производность от них. Его главное преимущество заключено именно в месте, в срединном положении внутри универсума.

В этическом плане «открытость» совершенномудрого закрепляется во взаимодействии с социумом. «Изображение гексаграммы рекомендует держать ум смиренным и свободным, чтобы быть восприимчивым к добрым советам» [12, р. 123].

Со структурной характеристикой человека в контексте обсуждаемых понятийных схем тесно связано еще одно важнейшее для древнекитайской культуры понятие дао (道). Дао можно перевести как «путь», «направление

деятельности», «способ», «метод», «подход». Дао как способ существования предполагает процесс постижения человеком мироустройства и дальнейшего творчества на основе полученных знаний. Путь-дао – это очень емкий образ, вмещающий в себя все выше упоминавшиеся черты человека китайской древности. Путь – это нечто определенное, сформированное внешними условиями – законами мироздания. С другой стороны, это пустое пространство, в котором возможна наполняющая деятельность человека, направляемая этими законами. Постоянная амбивалентность свободы и обусловленности, пустоты и наполненности составляет сущностный смысл этого понятия, эксплицитно представленный бинарностью гексаграмм.

В тексте «Си цы чжуани» мы можем найти подтверждение подобному ходу рассуждений: «То Инь, то Ян – это и есть Путь-Дао. Их непрекращающееся [чередование] является добром...» (перевод мой – Н. П.) [11]; «...Есть путь Неба, есть путь Человека, есть путь Земли. Если взять три основополагающие силы сань цай и удвоить их, то получим шесть. Шесть – это не что иное, как Дао [этих] трех. Дао имеет чередование и движение, проявляющиеся в виде линий; линии имеют позиции, проявляющиеся в виде событий; события имеют взаимосвязь, проявленную в виде схем-образов...» [8 р. 429]; «В движении шести черт заключен путь Неба, Земли и Человека» (перевод мой. – Н. П.) [11].

Что касается пятеричной классификации у син (五行), первоисточником которой является «Великий план» «Хунфань» (洪範) [13], следует отметить, что эта понятийная конструкция развивалась вне отрыва от учений инь-ян (阴阳) и сань цай (三才). Это часть единого концептуального аппарата, характерного для протокатегориального мышления Древнего Китая, поэтому основные черты фигуры субъекта, описанные выше, сохраняются.

Хотелось бы подчеркнуть, что специфику философских представлений того времени составляет принципиальная неразрывность мира природы и мира индивидов. Между этими сферами нет отчуждения, как может показаться с первого взгляда. Главная цель этих понятийных систем очевидным образом человеческая – помочь выработать индивиду правильное мироотношение для гармоничного существования. Но эта цель не антропоцентрическая.

Напомню, что при подробном рассмотрении китайской пятеричной классификации обнаруживаются явные сходства с древнегреческим учением о четырех первоначалах (подробнее о сходстве и различии этих учений см. [5]), но одним из принципиальных различий является именно место человека в данных схемах. В четверице досократиков человек и все, что с ним связано, максимально редуцируется: здесь имеет место первая попыт-

ка взглянуть на Вселенную и ее устройство объективно, так, как будто человека там нет. В результате человечество и природа оказываются концептуально изолированными друг от друга. И, как мы знаем, представление о двух сосуществующих мирах, социальном и природном, с постоянным конфликтом интересов, разрешающимся не в пользу природного, привело в Новое время к глобальному проекту преобразования природы в целях могущества человека, а в XX в. чрезмерное увлечение техническими средствами и искусственными идеалами – к глобальному кризису. В древнекитайской пятернице человек не исключается из общемирового процесса взаимодействия, а, наоборот, занимает в нем центральное положение.

Главенствующее положение фигуры субъекта, однако, не предполагает «индивидуалистического и субъективистского взгляда» на него, как это обычно происходит в рамках европейской культуры. Как верно отмечает американский философ Герберт Фингаретт (1921–2018), европейские гуманистические традиции склоняют нас к мысли о том, что «именно сознание индивидуума, его внутренняя жизнь и сущность играют центральную роль в понимании человека» [6, с. 301]. В рассматриваемой нами понятийной ситуации, сложившейся в Древнем Китае, отсутствует представление о сложном внутреннем мире индивидуума и связанных с ним психологических переживаниях. Но одновременно с этим «люди... отнюдь не представляются как безличные единицы, механически следующие предписанной рутине в соответствии с каким-либо космическим или социальным законом. Не предстают они также и как самодостаточные личности...» [6, с. 310]. Эта двойственность образа человека связана с его структурными особенностями, о которых подробно было сказано выше: центральностью и органично присущей ему пустотностью, предполагающей незаполненность и открытость внутреннего пространства для динамического взаимодействия с окружающими силами природы и другими людьми. Не сам по себе, а только в этом взаимодействии субъект обретает подлинный смысл и значение человека. Зависимость и производность позиции индивида от внешних природных и социальных закономерностей компенсируется его гармоничной встроенностью в мироустройство и сбалансированным мироотношением, что составляет важное свойство фигуры субъекта, сформированное в рамках протокатегориального мышления Древнего Китая.

Литература

1. *Герасимова И.А.* Конструктивизм как логический стиль и проблема китайской логики // *Философский журнал*. – 2016. – Т. 9, № 4. – С. 128–146.
2. *Крушинский А.А.* Субъект, пространство, время: как читать древнекитайский текст // *Круглый стол «География рациональности»* / Институт философии

РАН. – 2020. – 31 марта. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rB6PSXi0vhY> (дата обращения: 13.11.2020).

3. *Крушинский А.А.* Логика «И цзина»: Дедукция в древнем Китае. – М.: Восточная литература, 1999. – 176 с.

4. *Крушинский А.А.* Логика Древнего Китая. – М.: ИДВ РАН, 2013. – 384 с.

5. *Пушкарьская Н.В.* К проблеме раннего категориального мышления в Древнем Китае // *Философия и культура*. – 2016. – № 10. – С. 1430–1441. – DOI: 10.7256/1999-2793.2016.10.10407.

6. *Фингаретт Г.* Конфуций: мирянин как святой // *Конфуций. Я верю в древность / сост., пер. и коммент. И.И. Семенов*. – М.: Республика, 1995. – С. 300–374.

7. *Шуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен». – М.: Восточная литература, 2003. – 606 с.

8. *Rutt R.* The Book of Changes (Zhouyi): A Bronze Age Document / Translated with Introduction and Notes. – New York: Routledge Curzon, 2002. – 497 p. – (Durham East-Asia Series; no. 1).

9. *Shaughnessy E.L.* The Origin of an Yijing Line Statement // *Early China*. – 1995. – N 20. – P. 223–240.

10. Сань у лицзи // Байду байкэ. – URL: <https://baike.baidu.com/item/三五历记/9791584?fr=aladdin> (accessed: 13.11.2020).

11. Си цы чжуань // Байду байкэ. – URL: https://baike.baidu.com/item/系辞/5272945?fromtitle=系辞传&fromid=10949354&fr=aladdin#4_2 (accessed: 13.11.2020).

12. The I Ching, Or Book of Changes / transl. by R. Wilhelm, C.F. Baynes. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1977. – 740 p.

13. Хунфань // Байду байкэ. – URL: <http://baike.baidu.com/subview/235016/15420081.htm> (accessed: 13.11.2020).

14. *Ши Шаньган.* Лунь Хэту Лошу ю Багуа циюань // *Шисюэ юэкань*. – 2007. – N 8. – С. 79–88.

Статья поступила в редакцию 18.06.2020.

Статья прошла рецензирование 29.06.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-25-37

THE FIGURE OF SUBJECT IN THE PROTO-CATEGORICAL REPRESENTATIONS OF ANCIENT CHINA

Pushkarskaya Natalya,

Research fellow,

Institute of Far Eastern Studies RAS,

32, Nakhimovskiy Ave., Moscow, 117997, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-5372-5281

su-u@yandex.ru

Abstract

This article is devoted to the analysis of the subject's place in the proto-categorical language constructions of Ancient China. Fundamental conceptual schemas called basic classifications refer to such constructs. The key schemes include binary, ternary and quinary classifications, which defined the main features and further development of the entire Chinese mentality and civilization.

The main methodological technique used in conducting historical and philosophical research is the reliance on text primary sources. The most important and most reliable source of knowledge about the philosophical views of such a remote historical period (we are talking about the Zhou era, approximately 1045 – 221 BC) is the “Book of Changes” or “I-Ching” (易经). Structural analysis is used to identify the elements and numeral schemes in the considered figure of the subject.

According to the language picture of the world, reconstructed on the basis of texts from ancient Chinese sources, the position of the subject appears to be initially embedded in the worldview paradigm of archaic China. The main characteristics of a man that reveal themselves in the studied constructions of proto-categorical thinking are centrality and emptiness. These properties appear to be the most essential for understanding the role assigned to the man in the deployed model of the universe.

A dual image is formed from the predicates of the subject revealed as a result of the research. Man, from the point of view of the ancient Chinese, occupying a Central position in the vertical of the “three fundamental forces” of the San Cai (Earth-Man-Sky) and possessing, due to its dominant position, the features that are crucial for the successful knowledge of natural laws, appears to be devoid of his own, personal content. The initial emptiness of the subject of knowledge, which is its essential property, entails the absence of its individual content. The author makes a conclusion about the conditionally human position of the individual in the universe. Man turns out to be derived from natural, cosmic principles that form, according to the proto-categorical representations of Ancient China, not only the foundations of the world order, but also the principles of world relations.

Keywords: Ancient China, proto-categorical thinking, basic classifications, binary classification, trinary classification, quinary classification, subject, centrality, emptiness.

Bibliographic description for citation:

Pushkarskaya N. The Figure of Subject in the Proto-Categorical Representations of Ancient China. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 4, pt. 1, pp. 25–37. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-25-37.

References

1. Gerasimova I.A. Konstruktivizm kak logicheskii stil' i problema kitaiskoi logiki [Constructionism as a style in logic and the problem of Chinese logic]. *Filosofskij zhurnal = Philosophy Journal*, 2016, vol. 9, no. 4, pp. 128–146. DOI: 10.21146/2072-0726-2016-9-4-128-146.
2. Krushinskiy A. Sub'ekt, prostranstvo, vremya: kak chitat' drevnekitaiskii tekst [Subject, Space, Time: How to Read Ancient Chinese Text]. *Kruglyi stol "Geografiya ratsional'nosti"* [Round table "Geography of Rationality"]. RAS Institute of Philosophy, 2020, March 31. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=rB6PSXi0vhY> (accessed 12.11.2020).
3. Krushinskiy A. *Logika "I tsz'ina": Deduktsiya v drevnem Kitae* [The logic of the I Ching: deduction in Ancient China]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1999. 176 p.
4. Krushinskiy A.A. *Logika drevnego Kitaya* [Logic of Ancient China]. Moscow, IFES RAS Publ., 2013. 384 p.
5. Pushkarskaja N.V. K probleme rannego kategorial'nogo myshlenija v Drevnem Kitae [To the problem of the early categorical thinking in Ancient China]. *Filosofiya i kul'tura = Philosophy and Culture*, 2016, no. 10, pp. 1430–1441. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.10.10407.
6. Fingarette H. Konfutsii: miryanin kak svyatoi [Confucius: The Secular as Sacred]. *Konfutsii. Ya veryu v drevnost'* [Confucius: I believe in Antiquity]. Moscow, Respublika Publ., 1995, pp. 300–374. (In Russian).
7. Shchutskii Yu.K. *Kitaiskaya klassicheskaya "Kniga peremen"* [Chinese classic "Book of Changes"]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2003. 606 p.
8. Rutt R. *The Book of Changes (Zhouyi): A Bronze Age Document*. Translated with Introduction and Notes. New York, Routledge Curzon, 2002. 497 p.
9. Shaughnessy E.L. The Origin of an Yijing Line Statement. *Early China*, 1995, no. 20, pp. 223–240. DOI: 10.1017/S0362502800004491.
10. San wu liji. *Baidu Baike*. (In Chinese). Available at: <https://baike.baidu.com/item/三五历记/9791584?fr=aladdin> (accessed 13.11.2020).
11. Xi ci zhuan. *Baidu Baike*. (In Chinese). Available at: https://baike.baidu.com/item/系辞/5272945?fromtitle=系辞传&fromid=10949354&fr=aladdin#4_2 (accessed 13.11.2020).
12. Wilhelm R., Baynes C.F., transl. *The I Ching, Or Book of Changes*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1977. 740 p.

13. Hongfan. *Baidu Baike*. (In Chinese). Available at: <http://baike.baidu.com/subview/235016/15420081.htm> (accessed 13.11.2020).

14. Shi Shan gang. Lun Hetu Luoshu yu Bagua qiyuan [A Probe into Hetu & Luoshu and the origin of the Eight Diagrams]. *Shixue yuegang* = *A monthly magazine for historical science*, 2007, no. 8, pp. 79–88. DOI: 10.3969/j.issn.0583-0214.2007.08.012. (In Chinese).

The article was received on 18.06.2020.

The article was reviewed on 29.06.2020.